

Отзыв официального оппонента
о диссертации Шерчаловой Екатерины Вадимовны
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОЗДНЕГО В.О. ПЕЛЕВИНА
(2000 – 2010-Е ГОДЫ)»,

представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Диссертационное исследование Е.В. Шерчаловой обращается к творчеству одного из самых известных, самых плодовитых и самых последовательных в отстаивании своих художественных принципов писателей. В.О. Пелевин радует своих читателей новым романом каждый год, поэтому изучение его ежегодно пополняющегося корпуса текстов представляет собой насущную и всегда злободневную задачу для отечественного литературоведения. Как справедливо отмечает диссертантка, романистика Пелевина не обделена вниманием ни критиков, ни ученых, но глобального обобщающего разбора и систематизации принципов художественного мира писателя XXI века до Шерчаловой никто не предпринимал. С этой точки зрения отметим, что диссертантка сталкивается с необходимостью обстоятельно прокомментировать и мотивировать выбор конкретных произведений из почти двух десятков романов Пелевина XXI века. Внутренняя логика Е.В. Шерчаловой очевидна: она стремится проследить эволюцию сюжета инициации, разыгрываемого на очень разном культурном и мифопоэтическом материале, но неизменно связанного с «аксиологически амбивалентным персонажем-актером» (С. 8), предстающим и в мужском, и в женском облики своего рода универсалией пелевинского творчества, определяющей, по гипотезе диссертантки, все остальные эстетические параметры его романистики.

Актуальность диссертации определяется, с нашей точки зрения, несколькими аспектами: во-первых, обращением к сложной для интерпретации и требующей тщательного погружения в объект исследования

категории «художественный мир», которая позволяет представить творчество целостно, объемно, проследить закономерности творческого почерка и выявить системные, магистральные признаки художественного стиля автора, что в случае с Пелевиным имеет ключевое значение, поскольку, с определённой точки зрения, все его творчество может быть аттестовано в качестве единого многоступенчатого метатекста, объединенного общностью поэтики и проблематики; во-вторых, подробнейшее каталогизирование и типологизирование параметров творческой вселенной Пелевина позволяет заново – более аргументировано и продуманно – рассмотреть вопрос о стилевых доминантах творчества писателя, о его диалектических связях как с философией и практикой постмодернизма, так и с литературной традицией и современными литературными тенденциями и поисками (неомодернизмом и метамодернизмом).

Новизна работы, с одной стороны, вытекает из избранного материала, поскольку в сферу диссертационного исследования попали романы Пелевина последнего десятилетия, впервые рассмотренные в комплексе, с другой стороны, ее обеспечивает научный ракурс работы, позволяющий выстроить непротиворечивые и доказательные координаты художественной вселенной Пелевина: ее топонимику и хронотоп (пространственная концепция романистики Пелевина), ее систему образов (типология персонажей в текстах Пелевина), ее мотивную структуру и набор наиболее релевантных внутренних сюжетов (гибридизация – трансформация – инициация), которые могут быть названы ключевыми для пелевинской поэтики и семиосферы.

Работу отличает особенная библиографическая добросовестность: диссертанткой суммирован огромный массив исследований как по творчеству Пелевина, так и по ключевым проблемам диссертационного исследования, особенно впечатляющие результаты получены ею в рамках уточнения стилевой природы творчества Пелевина. Обзор методологических подходов и использованных в работе методов заслуживает отдельного упоминания (С. 11-13). Подчеркнем, что методологическим нервом работы становится

соединение элементов постмодернистского инструментария (таких, как интертекстуальный анализ) с методами структурализма, с историко-генетической и сравнительно-сопоставительной методологией, что представляется нам достаточно неожиданным методологическим решением, сочетанием порой прямо противоположных друг другу научных школ, но должны признать, что в тексте работы такое противоречивое разнообразие методов выглядит оправданным, поскольку диссертантка рассматривает творчество Пелевина в широком контексте литературных и мифопоэтических тенденций, для изучения влияния которых на постмодернистский мир Пелевина данные методы действительно представляются уместными.

Первая глава посвящена уточнению наиболее существенных для исследования теоретических понятий, которые рассматриваются диссертанткой с учетом особенностей постмодернистской поэтики и стилистики Пелевина. Мы согласны с диссертанткой в том, что применительно к постмодернистскому художественному миру необходимо делать методологические поправки, обусловленные спецификой постмодернистской установки на деконструкцию традиционной культуры, в том числе – и классических литературных приемов и элементов («Применительно к исследованию художественного мира большой прозы В. Пелевина уместнее говорить об алгоритмах, общих паттернах и лейтмотивах, нежели о частных действиях конкретных персонажей» С. 27, «Говоря о творчестве Пелевина, отметим, что его толкование мифем и мифов, сказок в целом отличается от принятых в фольклористике. Пелевин активно использует интертекст, переосмысливая известные цитаты и предавая им собственный смысл и коннотацию», С. 42 и т.д.). Думается, что первая глава подает показательный и в теоретико-методологическом плане значимый пример возможности «тонкой настройки», адаптивности классических литературных категорий при научной интерпретации постмодернистских произведений.

Прежде чем перейти к рассмотрению второй и третьей глав работы, отметим ту огромную роль, которую для иллюстрации наблюдений автора и

прояснения и уточнения ключевых положений исследования и его выводов играют разнообразные и обстоятельные приложения. Мы понимаем, что объем работы заставил диссертантку вынести обобщенные ею в таблицы данные по мотивному, структурному и хронотопическому анализу романов, но укажем, что такого рода приложения имеют самостоятельную ценность и, безусловно, способствуют расширению доказательной базы исследования. Вообще, с нашей точки зрения именно эти главы составляют основную научную ценность исследования и вызвали у нас наибольший интерес.

Во второй главе рассматриваются координаты художественного мира поздней романистики Пелевина: мотивная структура, система образов, сюжетные особенности, пространственная организация и хронотоп. По сути, Е.В. Шерчалова создает матрицу, которая наглядно демонстрирует, как взаимодействуют между собой ключевые эстетические параметры пелевинской прозы, а также указывает на принципиальную общность основных элементов пелевинской поэтики. Отметим, что представленный анализ подробно и доказательно описывает такую магистральную черту пелевинского творчества, как двойственность, амбивалентность, взаимообратимость героев, времени, пространства, играющую определяющую роль для выделенного диссертанткой в романистике Пелевина внутреннего сюжета трансформации/инициации. Так, двойничество связывает не только пары центральных героев (как лисицу-оборотня Алису и волка Александра в «Священной книге оборотня»), но и пространственные оппозиции («...пространство глав противопоставлено друг другу, что подтверждается и их наименованиями (в названии первой главы есть слово «старт**ап**» [up (англ.) – вверх], в названии же третьей главы фигурирует слово «стард**аун**» [dawn (англ.) – вниз]). Названия первых глав в первой части отражают пространственное движение вверх и вниз, что совпадает с повествованием: в первой главе Дамиан рассказывает об улитке, которая движется вверх, в третьей – о метафорическом спуске с горы» (С. 99)), объединяя, например, в смысловую пару городов-двойников Москву и Стамбул (С. 113).

Представляется логичным, что выявленные художественные принципы не просто типологизированы диссертанткой, но вплетаются ею в обобщенный авторский миф пелевинской романистики: «...авторский миф как нарратив, созданный на основе эмоций автора, связывающий определенный набор фактов в единую историю, выстроен на соединении социальных (в романе герои обладают четким социальным статусом) и архаических мифов, постмодернистской игры, буквальном воплощении метафор и т.д., мозаичен по своей природе» (С. 73). Но далее в заключении это рассуждение получает продолжение: «Авторский миф отличается мозаичностью, принципами монтажа и синкретизма, интертекстуальностью, деконструкцией первоначального образа и ложными реминисценциями, сатирическим характером изображаемого» (С. 185), которое, помимо акцента на соединении разрозненных элементов в единую историю, все-таки оговаривает и более привычную для постмодернизма функцию деконструкции предшествующей культуры. Чуть ранее диссертантка указывает: «Автор обращается к мифу как к инструменту создания художественного произведения и конструирования художественного мира с целью встраивания частной истории в межкультурный и межвременной диалог» (С. 185). Все вышесказанное побуждает нас задать напрашивающийся вопрос: является ли обращение к мифологическим образам, использование мифопоэтических принципов все-таки инструментом постмодернистской поэтики, частью масштабной постмодернистской игры и деконструкции, или же Пелевин обновляет, переосмысляет постмодернистские художественные законы, противопоставляя постмодернистской деконструкции авторский миф, то есть некий семантически наполненный и создающий обобщающую и непротиворечивую образную картину мира нарратив?

В какой-то степени именно поискам ответа на этот вопрос посвящена значительная часть третьей главы, в которой Е.В. Шерчалова детально разбирает проблему стилистической принадлежности (в ее терминологии – «творческого метода») В.О. Пелевина, и которая читается как увлекательное

доказательное расследование. Поддержим исследовательницу в ее стремлении пересмотреть устоявшиеся мнения и уточнить стилистическую природу творчества Пелевина в широком контексте таких значимых для современного литературного и культурного процесса феноменов, как неомодернизм и метамодернизм, о влиянии общекультурной тенденции преодоления постмодернизма на эволюцию художественной системы Пелевина. Со своей стороны заметим, что постмодернизм Пелевина имеет ряд индивидуальных черт, порой в игровой форме развенчивает и постмодернистские приемы, но писатель не выходит за рамки этого стилевого направления. Более того, его последние тексты 2021–2022 годов как раз демонстрируют усиление постмодернистской иронии и установки на деконструкцию не только литературной традиции, но и современной массовой культуры. С этой точки зрения, соглашаясь с наблюдениями и выводами диссертантки, все-таки заметим, что приведенная ею цитата из нашего пособия «Медийные явления в современной русской литературе» (С. 122) о том, что сам постмодернизм в современных условиях становится объектом деконструкции, к творчеству Пелевина в пособии не относится.

Работу венчает разветвленная типология наиважнейших аспектов творческой вселенной Пелевина, которая служит блестящим доказательством выдвинутой научной гипотезы исследования. Помимо уже высказанных вопросов, в укор исследовательнице в жанре замечаний мы могли бы поставить редкие досадные опечатки (например, в фамилии героя романа «Generation P» (С. 85 «Вавилена Тарарского») или самооценивающую рефлексию в заключении («Приведённые в третьей главе выводы могут показаться недостаточно глубокими и чересчур широкими, однако они позволяют охарактеризовать семиосферу исследуемых произведений, будучи отправными точками для дальнейшего исследования» С. 188)), но в целом ни в коем случае не влияющие на общее очень высокое впечатление от прочитанной работы.

Представляемая диссертация отличается несомненной актуальностью и новизной, четкой и продуманной структурой, его выводы подтверждены обстоятельным анализом текста и обладают научной значимостью в контексте изучения закономерностей развития современной русской литературы, эволюции отечественного варианта постмодернизма. Работа прошла необходимую апробацию, автореферат и 11 публикаций с достаточной полнотой отражают ее основное содержание.

Таким образом, диссертационное исследование «Художественный мир позднего В.О. Пелевина (2000 – 2010-е годы)» полностью соответствует критериям раздела II Положения о присуждении ученых степеней в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов», утвержденного ученым советом РУДН (протокол №12 от 23.09.2019г.), а её автор, Екатерина Вадимовна Шерчалова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук по специальности 10.01.01– русская литература, профессор профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

15 мая 2023 года

Солдаткина Янина Викторовна

Я. В. Солдаткина
УДОСТОВЕРЯЮ
Никитина
А.Б. Никитина

Солдаткина Янина Викторовна
Московский педагогический государственный университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Тел. 8-499-2465712
E-mail: yav.soldatkina@mpgu.su
<http://www.mpgu.su/>